

СИСТЕМНЫМ КУРЬЕР

2

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

Сергей Реалов

Системный курьер - 2

<https://litres.ru/74380314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Воронов, создатель крупнейшей службы доставки, погибает от отравленного заказа — и просыпается в теле девятнадцатилетнего курьера Льва. Вместо пентхауса — разгромленная квартира, долги и опасные собутыльники. Вместо власти — старый велосипед, больное тело и приложение собственной компании, которое теперь диктует сроки ему.

Таинственная система обещает награды за выполненные задания, но чудес не дарит: каждый рубль, маршрут и союзника приходится добывать трудом. Используя опыт бизнесмена, Кирилл начинает строить жизнь заново — с первой доставки, первого клиента и первого честного договора.

Это история второго шанса, бизнеса снизу и настоящей человеческой логистики. Но кто убил его, почему выбрали именно Льва и можно ли вернуться к дочери?

Содержание

Глава	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Системный курьер - 2

Глава

Курьер с Рублевки

Том 2

Глава 1

Дверь подъезда закрылась за спиной знакомым тяжёлым щелчком доводчика. На первой ступеньке лестничная клетка медленно поплыла влево; я прижал локоть к стене и переждал головокружение.

«Три пролёта, — сказал я себе, берясь за перила свободной рукой. — Потом можно лечь. В моём нынешнем положении горизонталь ценнее денег».

— Ты живой вообще? — Тамара Витальевна высунулась

из своей двери на втором этаже, в цветастом халате, с незажжённой сигаретой между пальцами. Вчера она держала её точно так же. — Третий день туда-сюда носишься, я гляжу.

— Живой, Тамара Витальевна, — я поставил термобокс на ступеньку и дождался, пока смогу договорить без паузы. — До квартиры доберусь. Просто лестница за сутки будто удлинилась.

— Лестница у нас всегда одна и та же, — она хмыкнула, окинула меня взглядом с ног до головы, задержавшись на марле, торчащей из-под кроссовка. — Это ты у нас удлинился, милок. Ты бы поел горячего, а не сухарями шуршал, как я слышу через стену.

— Учту, — сказал я. Пока она говорила, я уже перебирал остатки в холодильнике и решал, что приготовить прежде, чем позволить себе лечь.

— Стас твой заходил давеча, спрашивал про тебя, — добавила она, уже прикрывая дверь. — Сказала, что ты работаешь, не знаю, поверил или нет.

Я поднялся оставшийся пролёт. Острая резь в пятке за день притупилась, но теперь на каждой ступеньке в одну и ту же точку стопы словно приходился удар маленького молотка.

Дверь квартиры поддалась не сразу: замок заело на полповорота. Я по привычке толкнул полотно натёртым плечом и зашипел сквозь зубы.

— Твою ж мать, — сказал я вслух, в пустую прихожую, и в этом коротком ругательстве была вся усталость дня, спрес-

сованная в два слова.

Я стянул термобокс с плеча и оставил у входа, не донеся до кухни. Обычно я бы сразу разобрал и вымыл снаряжение к следующей смене; сегодня опустил на банкетку прежде, чем успел отдать себе этот приказ.

Кухня встретила меня жёлтым светом лампочки без плафона и запахом вчерашней заварки. Из прежних запасов оставались семь яиц, полпакета кефира, полтора банана и подсохший край хлеба. Купленные по дороге гречка, тушёнка, лук, морковь и свежий ржаной батон лежали в термобоксе у двери. Я перенёс продукты на стол и понял, что арифметика вечера проста: сначала нормальная еда, потом переговоры, затем сон. Перестановка любого пункта превращала следующий день в ещё один заём у тела.

«Считаем, — сказал я себе, ставя сковороду на плиту. — Белок, углеводы, вода. Не ресторан. Зато после этого хватит сил вымыть бокс и договориться об утреннем выходе».

Пока гречка варилась, я обжарил на дне сковороды половину луковицы и тёртую морковь, добавил тушёнку и убавил огонь. Затем стянул кроссовки. Правый носок пристал к марле; я смочил ткань тёплой водой и отделил её без рывка. Потёртость оставалась чистой, края подсохли, кожа вокруг не горела, зато любой нажим отзывался ровной болью пройденных километров.

Из аптечного пакета, купленного час назад за триста восемьдесят рублей, я достал хлоргексидин, стерильную сал-

фетку и широкий пластырь. Промыл пятку чистой водой, обработал края, высушил салфеткой и заклеил так, чтобы середина не пришлась под шов носка.

— Денёк был не сахар, — сказал я пятке, разглаживая пластырь. — Завтра обойдёмся без новых рекордов.

Плечо оказалось хуже: там, где лямка весь день ходила по одному участку, красная полоса стала ярче, кожа в центре блестела от начинающейся потёртости. Я вымыл руки, нанёс тонкий слой нового крема и вырезал из мягкой упаковочной прокладки накладку под лямку. Утром её предстояло закрепить на ремне, сместив давление ниже ключицы.

«Утром переставить лямку на другое плечо», — решил я и убрал мазь в шкафчик. Накладку положил сверху, чтобы не искать её спросонья.

Гречка была готова. Я смешал её с горячей тушёнкой и овощами, переложил половину в тарелку, вторую половину убрал под крышку на утро и заставил себя сесть. Есть стоя быстрее, зато сидя тело хотя бы на двадцать минут получало то, чего просило весь день: опору под спиной и неподвижные ноги.

Телефон на столе завибрировал — сообщение от Оксаны в общем чате: «Артём подтвердил: готов на завтра тестовый выход по твоему маршруту. Спрашивает время».

Я дожевал, отставил тарелку и набрал короткий ответ: «Завтра с утра свяжусь лично, спасибо».

Второе сообщение пришло следом, отдельным, личным:

Виктор Аркадьевич, тот же номер, что звонил у подъезда, — «Жду звонка до полудня, как договаривались».

Я сел за стол и подтянул к себе гречку. Двенадцать человек, окно с половины первого до часа, неизвестный пока набор пищевых ограничений. До полудня мне предстояло превратить эти три строки в маршрут для конкретного исполнителя.

Я достал из магазинного пакета тонкую тетрадь за сорок девять рублей и ручку за пятнадцать — первая бумажная канцелярия моей новой компании пока помещалась между солью и хлебом. Телефон мог разрядиться в середине маршрута; бумага требовала только разборчивого почерка. На первой странице я написал имя Виктора Аркадьевича и время окна.

«Вопрос Виктору Аркадьевичу номер один, — написал я, — сколько времени в среднем занимает подъём на этаж: лифт грузовой или обычный, сколько человек одновременно можно поднять. Вопрос номер два: пропускная система бизнес-центра — нужен ли отдельный пропуск для курьера или можно провозить заказ через стойку охраны с предварительным уведомлением. Вопрос номер три: у кого из двенадцати есть особые требования к еде — аллергии, диеты, вегетарианство».

Я перечитал список и добавил ещё одну строку внизу: «Вопрос номер четыре: кто платит — компания одним счётом или каждый сам за себя».

В дверь постучали трижды, настойчиво и по-соседски. На пороге стояла Тамара Витальевна с алюминиевой кастрюлькой, укутанной полотенцем.

— Борщ у меня остался с обеда, куда мне одной столько, — сказала она, дождавшись, пока я отступлю от двери, и поставила кастрюльку на край стола. — Ты третий день носишься, а пахнет из квартиры одной гречкой. Гречка полезная, только разговаривает с человеком уныло.

— Тамара Витальевна, вы себя не обидите? — спросил я, хотя запах борща уже заставил мой желудок откликнуться голодным, почти постыдным урчанием.

— Обижусь, если откажешься, — она махнула рукой, отгоняя вежливый отказ. — Ты вот что, милоч: неделю назад из этой квартиры только крики да бутылки слышались, а теперь кастрюля на плите и ты с утра уходишь работать. Держись за это. Соседи переменам верят медленно, зато запах жареного лука понимают сразу.

— Спасибо, — сказал я, и в этом слове было больше искренности, чем я ожидал от себя сам после дня, наполненного расчётами и переговорами. — Правда, спасибо.

— Да не за что, — она уже разворачивалась к выходу, но у двери притормозила. — И дверь закрывай до щелчка. Раньше ты приятелей впускал вместе со сквозняком, теперь работаешь — вот и береги, что заработал.

Когда дверь закрылась, телефон на столе показал пропущенный звонок от Артёма, сделанный двадцать минут на-

зад. Я перезвонил, придерживая трубку плечом, пока наливал борщ в глубокую тарелку.

— Курьев, слушаю, — Артём ответил после двух гудков. На заднем плане хлопнула дверь подъезда. — Завтрашний тестовый выход — в башни или другой сектор? Оксана велела уточнить у тебя.

— Городской сектор, — сказал я, садясь за стол с тарелкой борща и тетрадью. — Возможная корпоративная обеденная доставка: один этаж, двенадцать человек, три выхода в неделю. Завтра планирую тест. Утром получу бюджет и состав заказа, после этого назначу тебе точную ставку, время и стандарт. До моего звонка слот с одиннадцати до двух не занимай.

— Двенадцать человек — это не один термобокс и не один рейс, — сказал Артём после короткой паузы, и я услышал в его голосе то самое, уже знакомое мне сегодня, взвешивание условий. — Это нужно понимать заранее: сколько заказов идут вместе одной партией, а сколько раскиданы по времени.

— Именно это я выясняю, — сказал я и отложил ложку, чтобы не говорить с полным ртом. — Позвоню, когда будет реальная картина. Если ставка и нагрузка тебя устраивают, принимаешь назначение. Если принимаешь, отвечаешь за свой груз и свой участок до последней подписи.

— Годится, — сказал он, и я почти услышал в этом слове одобрение — не восторженное, но настоящее. — Тогда до завтра. Только учти, я послезавтра занят другим заказом с

утра, так что если это твоё тестовое выгорит в постоянку, график надо будет уже сейчас прикинуть.

— Учту, — сказал я, отключаясь, и подумал, что этот парень с его короткими, точными вопросами напоминает мне лучших логистов, которых я нанимал за столом переговоров двадцать лет назад — не тех, кто соглашался на всё, а тех, кто сразу считал цену вопроса.

Борщ Тамары Витальевны оказался густым, с крупными кусками мяса и щедрой ложкой сметаны, которую я не сразу заметил под слоем зелени, и я съел две тарелки подряд, чувствуя, как тепло от еды впервые за вечер начинает разливаться по телу вместе с чем-то похожим на спокойствие.

Телефон на столе завибрировал снова — на этот раз короткое сообщение от незнакомого номера, подписанного просто «Оксана (диспетчерская)»: «Кафе на Пресне подтвердило вопрос про держатели для стаканов, менеджер обещал заказать к четвергу. Спасибо, что подняли вопрос».

Я усмехнулся, набирая короткий ответ — «Хорошо, спасибо, что передали» — и отложил телефон в сторону, наконец позволяя себе просто сидеть за столом, ничего не считая, ничего не планируя, глядя в пустую тарелку так, будто в ней могло появиться что-то новое, если посмотреть достаточно долго.

Стас постучал через полчаса, когда я уже мыл посуду в раковине, перенося вес на левую ногу, чтобы разгрузить пятку. Я открыл ему и вернулся к воде.

— Слышал, ты трудоустроился окончательно, — сказал он, остановившись у кухонного порога. — Мужики говорят, зачастил туда-сюда с сумкой этой жёлтой.

— Трудоустроился, — подтвердил я, ставя последнюю тарелку в сушилку. — Причём настолько, что завтра, кажется, придётся ещё и нанимать людей.

— Ты? Нанимать? — Стас хмыкнул, усаживаясь на табурет без приглашения, но так, что это не выглядело наглостью — скорее привычной, простой доверительностью человека, который уже решил для себя, что я свой. — Два дня в курьерах, а уже нанимаешь.

— Одного уже нанял на пробный городской сектор, — сказал я, вытирая руки полотенцем и садясь напротив него. — Теперь ищу для него устойчивый объём, чтобы на маршруте работало не только моё собственное тело. Моё тело сегодня подало официальную жалобу на переработку и приложило к ней пятку как вещественное доказательство.

— Оно у тебя правильно жалуется, — Стас окинул меня взглядом, задержавшись на перевязанном плече, видимом из-под ворота футболки. — Ты бы поспал уже, а не сидел тут, философствуя. Завтра рано вставать?

— Завтра рано вставать, — согласился я, чувствуя, как усталость последнего часа наконец берёт верх над остатками делового возбуждения, ещё теплившегося после звонка Артёма и Виктора Аркадьевича. — И встать нужно так, чтобы тело меня простило за сегодня, а не возненавидело оконча-

тельно.

Стас поднялся, хлопнул меня по здоровому плечу — коротко, по-мужски, без лишней сентиментальности, — и вышел, бросив на прощание что-то про то, что если понадобится помощь с чем-то тяжёлым, он рядом, всего через стену.

Я остался один в кухне, глядя на четыре вопроса Виктору Аркадьевичу, и дописал под ними: «Не обещать за двоих, пока Артём не принял условия. Узкий маршрут без срыва лучше широкого на честном слове».

Растяжку я сделал уже почти в темноте, при свете одной настольной лампы, потому что тело требовало этого не меньше, чем еды, — медленно, без резких движений, вытягивая по очереди каждую ногу, каждую руку, стараясь не тревожить лишний раз ни пятку, ни натёртое плечо. Плечо отзывалось глухой болью на каждое движение, и я останавливал растяжку раньше, чем боль становилась острой, — тот самый порог, который я за два дня научился ловить внутренним чутьём точнее, чем любой прибор.

Янтарное тепло поднялось вдоль позвоночника и собрало прожитый вечер в ясный итог: вода, две нормальные порции еды, обработанные потёртости, мягкая растяжка и вовремя законченная смена удержали второй день серии. На внутренней шкале остались прежние цифры: тринадцать доставок из двадцати, восемь тысяч девятьсот сорок рублей из двадцати пяти тысяч, два дня из десяти. До нового рабочего инструмента меня отделяли семь адресов, шестнадцать ты-

сяч шестьдесят рублей и восемь дней.

В половине одиннадцатого я вымыл термобокс, повесил куртку так, чтобы натёртая лямка не касалась ткани, разделся и лёг. Будильник стоял на семь: впереди было восемь с половиной часов горизонтали, если я не украду их у себя ещё одним расчётом. Перед сном в голове осталось двенадцать фамилий в получасовом окне и один вопрос: как разделить груз, цену и ответственность так, чтобы Артём согласился на маршрут до выезда?

Глава 2

Ответа не было — только темнота и тяжёлый, без сновидений, сон человека, отработавшего два дня подряд на пределе того, что могло выдержать чужое, ещё не до конца своё тело.

Будильник на телефоне сработал в семь утра, и первые секунды после пробуждения я лежал неподвижно, проводя внутреннюю ревизию тела с той же методичностью, с какой раньше, в другой жизни, просматривал утреннюю сводку по

компании перед первой планёркой.

Плечо отозвалось тупой, тянущей болью при первой же попытке приподняться на локте — не той резкой, что вчера вечером, но достаточной, чтобы напомнить: рана залечивается, но заживление не наступает по расписанию будильника. Пятка держалась лучше — марля не съехала за ночь, кожа вокруг не горела.

— Ну что, — сказал я вслух, глядя в потолок с трещиной, форма которой уже второй день напоминала мне очертания какой-то реки на карте, — сегодня без вчерашних подвигов. Сегодня — умный день.

Я сел на край матраса, свесив ноги, и позволил себе минуту простого сидения, прежде чем вставать полностью, — тот самый трюк, которому меня когда-то научил личный врач, приставленный советом директоров ко мне после сорока: не вскакивать резко, дать телу время понять, что день начался.

Растяжка утром далась чуть легче, чем вечерняя, — сон, борщ Тамары Витальевны и восемь с половиной часов горизонтали сделали своё дело, хотя до полного восстановления было ещё далеко. Я сделал десять медленных наклонов, размял поясницу, потянул руки над головой и остановился, когда натёртое плечо перешло от тугого сопротивления к боли.

Я выпил кружку воды небольшими глотками и отменил пробежку. Сегодня предстоял один адрес, но плечу было всё равно, записаны двенадцать обедов одной строкой или двенадцатью.

Янтарное тепло коротко прошло под ключицами и погасло. Система приняла отменённую пробежку не как отступление, а как условие, без которого сегодняшний груз мог оборвать серию.

Завтрак я собрал из оставшихся продуктов: два яйца всмятку, два ломтя свежего ржаного хлеба, половину банана и стакан кефира. После завтрака в холодильнике оставались пять яиц, один банан, четверть пакета кефира и закрытая порция вчерашней гречки с тушёнкой — готовый ужин на случай позднего возвращения.

Пока варились яйца, я снова открыл блокнот и перечитал вчерашние четыре вопроса, добавив к ним пятую строку, родившуюся уже сейчас, за завтраком: «Вопрос номер пять: есть ли у бизнес-центра требования к форме курьера, пропускам, времени прохода через охрану».

Телефон завибрировал в семь сорок пять — звонок от Виктора Аркадьевича, на полчаса раньше, чем я планировал сам набирать его номер.

— Лев Курьев слушает, — сказал я, отставляя чашку с чаем и хватая ручку.

— Доброе утро, — голос Виктора Аркадьевича звучал так же сухо и деловито, как вчера у подъезда, но в нём была лёгкая нотка нетерпения человека, привыкшего сам держать инициативу разговора. — Решил позвонить раньше, чтобы у вас было больше времени на подготовку. Записывайте детали, если готовы.

— Готов, — сказал я, придвигая блокнот ближе.

— Двенадцать человек на этаже, девятый этаж башни, ок-
но с двенадцати тридцати до часа, — Виктор Аркадьевич
говорил по заранее составленному списку. — После часа у
нас видеосвязь с иностранными партнёрами, поэтому разда-
чу заканчиваем до тринадцати ноль-ноль. Оплата одной кор-
поративной заявкой через вашу службу, а не двенадцатью пе-
реводами. По еде: двое вегетарианцев, один человек с аллерги-
ей на орехи, остальные заказы обычные, но разные. Спи-
сок пришлю сообщением.

— Принял, — сказал я, быстро записывая цифры и пунк-
ты в блокнот сокращёнными словами, которые сам же изобрёл ещё в прежней жизни для скорописи на ленточках. —
Пропускная система, лифты?

— Пропуск на разовый вход оформляется на ресепшене
нижнего холла по паспорту курьера, занимает пять минут,
если предварительно передать данные охране, — сказал он.
— Лифтов три пассажирских и один грузовой, в обеденное
время пассажирские загружены, грузовой свободнее, но им
можно пользоваться только с разрешения администратора
здания, я договарюсь заранее.

— Какой предел общей корпоративной заявки, включая
еду, доставку и особую упаковку? — спросил я. — Мне нуж-
но посчитать кухню, исполнителя и резерв до того, как я на-
зову цену Оксане для счёта.

— Бюджет на человека — до восьмисот рублей за обед,

включая доставку, — сказал Виктор Аркадьевич. — Если уложите в эту сумму с приемлемым качеством еды, контракт будет постоянным. Не уложите — будем искать другого подрядчика, извините за прямоту.

— Прямота — это то, что я уважаю больше всего в переговорах, — сказал я. — Дайте мне до одиннадцати утра, я подтверждаю тестовый выход на сегодня и назову вам итоговую схему.

— До одиннадцати, — согласился он, и в трубке раздались короткие гудки отбоя.

Я отложил телефон и уставился на исписанную страницу блокнота, чувствуя, как цифры сами начинают складываться в голове в первую грубую арифметику: двенадцать заказов, восемьсот рублей на человека, итого до девяти тысяч шестисот рублей заказ целиком, минус стоимость самой еды в кафе, минус доставка курьеру — и где-то в этой разнице должна была уместиться моя прибыль, ставка Артёма и запас на форс-мажор вроде того самого держателя для стаканов.

Я набрал Артёма сразу. До одиннадцати оставалось слишком мало времени, чтобы сначала придумать за него удобный ответ, а потом поставить перед готовым решением.

— Колесников, — Артём ответил быстро, будто ждал звонка.

— Реальные цифры, — сказал я без предисловий. — Один корпоративный адрес, двенадцать именных обедов, окно раздачи тридцать минут. На тестовый городской сектор

назначаю тебя исполнителем с одиннадцати сорока пяти до двух. Ставка за весь выход — тысяча пятьсот рублей, проводится через Оксану одной выплатой, независимо от того, станет заказ постоянным или останется тестом.

Артём молчал несколько секунд, и я почти слышал, как он считает в уме то же самое, что я только что записал на бумаге.

— Тяжело физически, — сказал он наконец. — Двенадцать заказов одним рейсом — это не один термобокс, это минимум два, а то и три ходки на этаж, если лифт занят. Плюс риск штрафа, если что-то перепутаем с заказами — там же, судя по твоим словам, у людей разные требования, аллергии эти.

— Ошибка схемы, состава или пропуска остаётся на мне: твою ставку за неё не режу. Твоя зона — принять шесть промаркированных контейнеров, сохранить их положение, сверять имя при передаче и сразу сообщить о расхождении. Если перепутаешь или повредишь груз после приёмки, возвращаешься и участвуешь в исправлении до закрытия карточки. Стандарт новый, ответственность настоящая.

— Тысяча пятьсот за тест принимаю, — сказал Артём. — Если маршрут станет постоянным три раза в неделю, хочу фиксированную ставку за выход и доплату за рост сверх двенадцати человек. Мне нужно заранее видеть график.

— Постоянную ставку назначу после сегодняшнего замера времени, веса и прохода через охрану, — сказал я. —

Условие о росте учту. Сегодня: полторы тысячи, один этаж, шесть мест под твоей ответственностью, отчёт после последней передачи. Условия по ходу дня не меняются.

— Договорились, — сказал он. — Во сколько выезжаем?

— Кухню ещё утверждаю, — сказал я, глядя на список требований. — В течение часа пришлю точку сбора, распределение и номер корпоративной карточки. До подтверждения ничего сам не бронируй.

— Час у тебя есть, — сказал Артём и отключился, а я остался сидеть за столом, глядя на блокнот, исписанный уже с обеих сторон листа, понимая, что самая сложная часть утра — не переговоры с людьми, а выбор точки, откуда физически возьмётся еда для двенадцати разных заказов за тридцать минут до дедлайна.

До диспетчерской я добрался автобусом, держа вымытый термобокс за верхнюю ручку, чтобы накладка на ляжке не тёрла плечо раньше работы. Старый велосипед ждал у стойки там, где я оставил его вчера. В шинах держался воздух, новые тормозные колодки не цепляли обод; я отстегнул трос, прокатил раму несколько метров и только потом вошёл внутрь. Диспетчерская встретила запахом картона и кофе из автомата. Оксана стояла у стеллажа и сверяла штрихкоды со сканером.

— Опять ты, — сказала она, не отрываясь от сканера. — Вчера же расстались красиво, звёздный бизнесмен. Что стряслось?

— Мне нужна кухня, которая приготовит двенадцать разных обедов за два часа и не облагается по маркировке, — сказал я, останавливаясь рядом и придерживая термобокс. — У тебя есть проверенный вариант ближе к бизнес-центру Виктора Аркадьевича, а не то кафе на Пресне с их вечными держателями для стаканов?

Оксана оторвалась от сканера, вытерла лоб тыльной стороной запястья и на секунду задумалась, явно перебирая в голове список заведений, с которыми служба работала не первый месяц.

— Есть «Атлант», это столовая при бизнес-центре соседнего квартала, они и так возят обеды для своих арендаторов, — сказала она. — Готовят быстро, порционно, штрих-коды на контейнерах ставят сами, но у них есть один минус: они привыкли к простым заказам, десять одинаковых бизнес-ланчей. Двенадцать разных позиций с аллергиями и вегетарианцами их может сломать, если заранее не предупредить в деталях.

— И мне нужна корпоративная карточка через службу, — добавил я. — Бюджет клиента девять тысяч шестьсот. Из него кухня, полторы тысячи Артёму, комиссия службы и моя координация. Никаких личных переводов от офиса.

Оксана отложила сканер, открыла на терминале форму сводной заявки и заставила меня назвать вслух то, что я уже считал в тетради: один адрес, двенадцать именных мест, одно окно, два исполнителя, плательщик — компания Викто-

ра Аркадьевича. В карточке появился предел в девять тысяч шестьсот рублей. Кухне деньги уходили после приёмки партии, Артёму — после закрытия адреса, остаток за вычетом комиссии начислялся мне как организатору маршрута. До подтверждения клиентом ни один рубль не считался заработанным.

— Теперь у тебя есть заказ, а не разговор у подъезда, — сказала Оксана и отправила Виктору Аркадьевичу ссылку на подтверждение. Через минуту напротив заявки загорелась отметка оплаты. — Идём к Валентине. Если она назовёт кухню дороже шести с половиной тысяч, твоя арифметика начнёт есть сама себя.

— Предупрежу в деталях лично, — сказал я. — Адрес?

— Сама провожу, мне туда всё равно по пути, — Оксана сняла с крючка куртку. — Заодно посмотрю, как ты с их менеджером договариваться будешь. Люблю переговоры со стороны, когда мне потом не приходится чинить их последствия.

Дорога до «Атланта» заняла пятнадцать минут пешком. Я вёл велосипед рядом и перечитывал список Виктора Аркадьевича: двенадцать имён и двенадцать разных блюд. Марине Олеговне — вегетарианский плов. Дмитрию Сергеевичу с аллергией на орехи — куриное филе с отдельным гарниром, приготовленное на чистом участке. Игорю Руслановичу — острое блюдо, причём в пометке трижды повторялось слово «острое», будто одной приправы для него было мало уже на

бумаге.

Столовая «Атлант» располагалась на первом этаже соседнего бизнес-центра, за стеклянной дверью с логотипом в виде колонны, и внутри пахло тушёной капустой и свежим хлебом — простой, честный запах места, где готовят много и быстро, а не изящно.

— Мне нужна Валентина, менеджер зала, — сказала Оксана женщине за раздаточной стойкой, и через минуту к нам вышла невысокая крепкая женщина лет пятидесяти в белом колпаке, вытирая руки о фартук.

— Оксана, привет, — сказала она устало, но без раздражения. — Опять что-то срочное?

— Не срочное, а перспективное, — сказала Оксана, кивая на меня. — Знакомься, Лев, у него постоянный корпоративный клиент вырисовывается, двенадцать человек, три раза в неделю. Сегодня — тестовый прогон.

Валентина посмотрела на меня с той же оценивающей прямоотой, с какой утром на меня смотрел Артём, — взглядом человека, привыкшего сначала прикинуть реальную нагрузку, а не выслушивать красивые слова.

— Двенадцать человек — это не проблема количества, у нас кухня на сто пятьдесят обедов в день работает, — сказала она. — Проблема в разнообразии. У вас все двенадцать одинаковые заказывают?

— Ни одного одинакового, — сказал я, доставая список из кармана и разворачивая его на стойке перед ней. — Два

вегетарианских, один без орехов из-за аллергии, один максимально острый, остальные восемь — разные, но обычные. Окно — тридцать минут, с двенадцати тридцати до тринадцати.

Валентина взяла список, пробежала по нему глазами, и я увидел, как её палец на мгновение задержался на строке про аллергию.

— Аллергия на орехи — это серьёзно, — сказала она, поднимая на меня взгляд. — У нас на кухне орехи используются в трёх блюдах, включая соус для курицы, который вы просите приготовить именно этому человеку без соуса. Если повар перепутает контейнер или посуду, это не испорченный обед, это человек в больнице.

— Как вы обычно боитесь от такой ошибки? — спросил я, чувствуя, как в голове уже выстраивается требование, которое я собирался предъявить, прежде чем она успела договорить.

Глава 3

— Отдельная промаркированная посуда, отдельная доска, чистая рабочая поверхность и повар, который не переходит к ореховому соусу до закрытия этого контейнера, — сказала Валентина. — Красная полоса на крышке означает аллергенный заказ. В общем зале мы всё равно честно предупреждаем о кухне, где орехи используются, но прямого контакта по нашему протоколу не будет.

— Протокол фиксируем в заказе, а Дмитрию перед выдачей показываем красную полосу и предупреждение кухни,

— сказал я. — Ещё вопрос: контейнеры для острого и вегетарианского отличаются от обычных, кроме имени? Одиннадцать одинаковых белых крышек в термобоксе превращают человеческую память в единственную защиту от ошибки.

Валентина на секунду замолчала, явно не ожидая, что курьер полезет в детали маркировки настолько глубоко.

— Обычно клеим имя сверху, — сказала она. — Для этой партии сделаем три признака: имя крупно, блюдо рядом, цветная полоса по категории. Красная — аллергия, зелёная — вегетарианское, оранжевая — острое. Остальные белые. И внесу это в производственный лист, чтобы повар отмечал контейнер сразу после закрытия крышки.

— Настаиваю, — сказал я твёрдо. — Пара минут на кухне дешевле, чем испорченный контракт из-за перепутанного контейнера на раздаче.

Оксана, стоявшая рядом всё это время молча, чуть заметно улыбнулась — той улыбкой, с какой смотрят на человека, только что подтвердившего репутацию, о которой уже был наслышан заранее.

Валентина кивнула, убирая список в карман фартука.

— Готовность к двенадцати пятнадцати, — сказала она. — Раньше не обещаю, у нас в обед параллельно ещё десять заказов на доставку в другие офисы, кухня и так работает на пределе. Курьеров у вас двое?

— Двое, — подтвердил я. — По шесть мест каждому. Особые блюда распределим между двумя боксами, но их пе-

редачу сверю лично по именам. Один потерянный велосипед тогда не унесёт сразу все специальные заказы, а нагрузка на плечи останется одинаковой.

— Разумно, — сказала Валентина, и впервые за разговор в её голосе прозвучало что-то похожее на одобрение. — Обычно курьеры вашей службы просто хватают всё в один термобокс и бегут, а потом на месте разбираются на ходу, роняя контейнеры друг на друга.

Мы вышли из столовой на улицу, и Оксана, застёгивая куртку, посмотрела на меня с тем же изучающим прищуром, что и вчера у диспетчерской стойки.

— Ты за пять минут разговора выбил из Валентины протокол, который она обычно даёт только постоянным клиентам с полугодовой историей, — сказала она. — Как ты это делаешь?

— Не выбиваю, — сказал я. — Спрашиваю про сбой до того, как он случится. Молчать из вежливости обычно дороже, чем пять минут побыть занудой.

— Пять минут занудства между столовой и диспетчерской, — она хмыкнула. — Ладно, звёздный бизнесмен, у меня ещё смена. Удачи с двенадцатью обедами.

Она свернула в сторону своего гаража, а я остался стоять на углу улицы, набирая номер Артёма, чтобы назвать точное время и точку сбора, — двенадцать пятнадцать, столовая «Атлант», два термобокса, один маршрут, тридцать минут на всё.

Артём подъехал к «Атланту» без четверти двенадцать, точно к назначенному времени, и коротко кивнул вместо приветствия. Его термобокс был вымыт, молния закрывалась без заедания, дно лежало ровно на багажнике под двумя ремнями.

— Внутри шесть стандартных контейнеров встают в два слоя, если между слоями положить жёсткую прокладку, — сказал он, открывая крышку. — Седьмой уже давит на молнию. Напитки придётся вести на багажнике отдельно.

Я приложил к дну запасную картонную вставку, которую он принёс из диспетчерской, и проверил высоту рукой. Шесть мест действительно входили без давления на крышки.

— Тогда остаётся утверждённое распределение: по шесть, — сказал я. — Красный аллергенный контейнер беру себе, зелёные вегетарианские делим по одному. Оранжевый острый идёт к тебе. Перед выходом каждый вслух читает шесть имён и фотографирует свой слой.

— Если контейнеры окажутся выше образца, шесть не за-
талкиваю, — сказал Артём. — Скажу до приёмки, и кухне придётся дать внешний жёсткий короб.

— Правильно. Груз подгоняется под транспорт до выезда, а не коленом у молнии. Напитки Валентина обещала дать в двух низких ящиках с перегородками; закрепим их на багажниках отдельно от горячего.

Мы вошли внутрь за двадцать минут до готовности. Валентина показала два чистых низких ящика для бутылок и

выдала нам по листу комплектации. На моём стояли шесть имён, на листе Артёма — ещё шесть; цвет особого заказа был напечатан рядом с каждым именем.

— Принимаете только по своим листам, — сказала она, и в этот момент из кухни донёсся встревоженный голос:

— Валентина Петровна, у нас проблема!

Валентина обернулась и почти бегом направилась в сторону раздаточного окна, и мы с Артёмом переглянулись — тем самым коротким взглядом, каким два человека молча спрашивают друг друга, стоит ли идти следом или ждать снаружи.

— Идём, — сказал я, и мы оба шагнули к окну раздачи.

За стойкой молодая девушка в поварском колпаке держала два одинаковых белых контейнера без стикеров. Рядом на металлическом столе лежали зелёная и белая полоски с именами, снятые с общего листа слишком рано.

— Я закрыла оба контейнера, потянулась за полосками, а меня позвали к печи, — сказала она быстро. — Теперь не знаю, где вегетарианский плов, а где обычный с курицей.

Валентина поставила оба контейнера на отдельный поднос и отодвинула от готовой партии.

— Эти два в выдачу не идут, — сказала она, глядя на настенные часы. Было двенадцать девять. — Крышки уже закрыты без маркировки, по запаху гадать не станем. Оба оставим на питание смены, клиентские порции соберём заново из резервных гастрорёмокостей. Семь минут.

— Семь минут у нас есть, — сказал я, проверяя путь на

карте. — Окно открывается в половине первого, дорога занимает двенадцать минут. Выдача в двенадцать двадцать одну оставляет время на охрану, если пропуска действительно заведены.

Молодая повариха потянулась к крышке одного из отложенных контейнеров.

— Для смены откроете потом, — остановила её Валентина. — Сначала две новые порции на чистых местах. Зелёную полосу клеишь на вегетарианскую сразу после закрытия крышки, белую — на курицу. Ставишь инициалы в производственном листе и только тогда переносишь на выдачу.

Артём поднял брови и постучал пальцем по часам: обещанный ему срок уже начал сокращаться.

— Мы принимаем запечатанную и однозначно маркированную еду, — сказал я. — Курьер не открывает контейнер, чтобы исправить кухонную потерю идентичности. Пока переделывают, сверяем остальные десять.

Мы разложили десять готовых контейнеров по двум металлическим полкам, каждый прочитал имя со своего листа и проверил цвет полосы. Красная крышка Дмитрия Сергеевича стояла отдельно; на производственном листе напротив неё были подписи повара и Валентины. Через семь минут из окна вышли две новые порции — зелёная для Марины Олеговны и белая с курицей для обычного заказа, каждая уже закрытая, подписанная и отмеченная в журнале.

— В следующий раз клею полосу до того, как контейнер

сдвинется с моего места, — сказала молодая повариха, ставя инициалы. — Тогда отвлекут хоть на пожар, имя останется с блюдом.

— Вот это и станет правилом партии, — сказал я. — Ошибка возникла между закрытой крышкой и поздней наклейкой. Убираем промежуток, а не надеемся, что человек никогда не отвлечётся.

Валентина посмотрела на меня с той же прямой оценкой, с какой смотрела в начале разговора час назад, только теперь в этом взгляде было меньше настороженности и больше того, что можно было бы назвать рабочим уважением.

— Семь минут потеряли, зато теперь знаю, где менять порядок, — сказала Валентина.

— В следующую среду попросите фотографию полки после шести первых контейнеров, — сказал я. — Если цвет и имя уже на каждой крышке, мы увидим, что правило живёт до приезда курьера.

К двенадцати двадцати одной все двенадцать контейнеров стояли на раздаточной стойке: восемь белых обычных, два зелёных вегетарианских, один красный аллергенный и один с оранжевой полосой и крупной надписью «ОСТРО» для Игоря Руслановича.

Мы разложили груз по листам: шесть контейнеров в мой термобокс, шесть — в бокс Артёма, между слоями поставили жёсткие прокладки. Каждый сфотографировал два слоя до закрытия молнии. Напитки встали вертикально в низкие

ящики с перегородками; ящики легли на багажники перед термобоксами и затянулись отдельными ремнями. Горячее ехало в изолированных боксах, холодное не касалось крышек и не давило на еду.

— Готовы? — спросил я, застёгивая последнюю молнию.

— Готов, — сказал Артём, проверяя ремни на своём багажнике. — Как заносим на девятый этаж? Два пропуска точно подтверждены или узнаем у охраны?

Я посмотрел на часы — двенадцать двадцать две. Оксана отправила две фамилии утром, Виктор Аркадьевич обещал грузовой лифт, но отдельного ответа охраны в карточке ещё не было. Это была моя незакрытая проверка, и времени скрывать её красивой уверенностью не осталось.

— В заявке стоят обе фамилии, подтверждения поста я не получил, — сказал я. — Моя ошибка проверки. По дороге звоню Виктору Аркадьевичу и охране. На входе каждый берёт свой бокс за верхнюю ручку, ящики с напитками — второй рукой. Грузовой лифт занят — идём к дальнему пассажирскому, который он назвал резервным. На этаже ты раздаёшь свои шесть по листу, я свои и держу общую комплектность.

Артём хмыкнул, не то одобрительно, не то скептически, и первым покати́л велосипед к выходу.

Дорога до бизнес-центра шла через квартал с плотным обеденным трафиком. Я ехал медленно по разрешённой полосе у края проезжей части, а на тесном участке спешил и

повёл велосипед рядом. Термобокс стоял на багажнике; каждую выбоину принимали ремни и рама, а не натёртое плечо. На первом светофоре я позвонил Виктору Аркадьевичу. Он подтвердил, что отправил охране обе фамилии в одном письме в восемь двенадцать, и переслал мне снимок сообщения. Общий телефон поста не ответил: линия была занята.

— Держи правее, там бордюр ниже! — крикнул Артём, указывая на съезд, которого я не заметил за припаркованным фургоном.

Я свернул правее, и переднее колесо мягко скатилось с бордюра. Ящик с напитками остался неподвижным, ремень на термобоксе не просел.

— Спасибо, — бросил я через плечо, нагоняя его на прямом участке.

— Я тут третий год катаюсь, знаю каждую выбоину в радиусе пяти километров, — ответил Артём, не оборачиваясь. — Это моя работа — знать дорогу лучше, чем карта в телефоне.

Мы доехали за двенадцать минут. Было двенадцать тридцать четыре. Я пристегнул велосипед, закрепил мягкую накладку на лямке и только после этого снял бокс с багажника. Шесть контейнеров оттянули руку вниз, плечо отозвалось жжением, но давление пришлось на новую точку ниже ключицы, а не на вчерашнюю полосу.

— Бокс беру на короткую лямку, напитки — в левую руку, — сказал я Артёму. — На этаже ставим груз на стол до

раздачи. Если плечо режет сильнее, передаю тебе ящик, а не изображаю грузовую лошадь.

— Мне приказ повторять не придётся, — ответил он. — У тебя лицо уже цвета красной маркировки Дмитрия.

Стеклянные двери бизнес-центра открывались автоматически, но перед ними, у поста охраны, нас остановил крепкий мужчина в тёмной форме с рацией на плече, окинувший взглядом два термобокса, велосипеды, оставленные снаружи, и наши куртки с логотипом службы доставки.

— Курьеры к кому? — спросил он тем ровным, немного скучающим тоном, каким охрана задаёт этот вопрос по двадцать раз за смену.

— К Виктору Аркадьевичу, девятый этаж, обеденная доставка, — сказал я, доставая телефон с перепиской, где значился номер пропуска. — Данные должны быть переданы заранее.

Охранник сверился с экраном на стойке, кивнул, но тут же нахмурился, глядя на список.

— У меня тут пропуск на одного курьера, — сказал он. — Вас двое.

Часы над стойкой показывали двенадцать тридцать пять. До конца окна оставалось двадцать пять минут; время позволяло решить пропуск, но уже не позволяло повторять одно и то же объяснение трём людям.

— У меня есть пересланное письмо Виктора Аркадьевича с двумя фамилиями и временем отправки, — сказал я, по-

ворачивая экран к охраннику. — В вашей системе прошла одна строка. Позвоните на этаж, а я пока продиктую вторую фамилию администратору. Еда остаётся у нас в руках, через стойку ничего не передаём.

Охранник посмотрел на меня, потом на часы, потом на рацию на плече, явно взвешивая, что быстрее — звонок наверх или препирательство с курьером.

— Ждите, — сказал он и поднёс рацию к губам, вызывая пост на девятом этаже.

Пока охранник говорил в рацию короткими, деловыми фразами, Артём тихо спросил, не поворачивая головы:

— Есть план Б, если не пустят?

— Есть, — сказал я так же тихо. — Я поднимаюсь один с половиной груза, ты остаёшься здесь и ждёшь, пока разберутся, а потом заносишь остальное. Хуже, но не срыв заказа целиком.

Рация затрещала ответом, и охранник, дослушав, кивнул сам себе и повернулся к нам уже другим, более расслабленным тоном.

Глава 4

— Подтвердили, второй курьер тоже проходит, администратор сейчас впишет вручную, — сказал он. — Паспорта обоих давайте.

Мы положили паспорта на стойку. Охранник сверил фотографии и фамилии с письмом Виктора Аркадьевича, внёс Артёма во вторую строку и вернул документы вместе с дву-

мя временными бейджами.

— Девятый этаж. Грузовой лифт занят подъёмом мебели, минут пять ждать.

— Дальний пассажирский свободен? — спросил я, глядя на часы.

— Пассажирский в обед забит битком, вы с этими сумками туда просто не влезете без того, чтобы всех раздражать локтями, — сказал охранник, но, увидев моё лицо, чуть смягчился. — Хотя ладно, идите к дальнему, третьему, он обычно свободнее в это время, сотрудники привыкли к первым двум.

Мы пошли к дальнему лифту. Я держал бокс за верхнюю ручку, чтобы он не качался; Артём нёс свой так же. Два ящика с напитками стояли ровно, приборы лежали в отдельном плоском пакете поверх них и не касались крышек горячих контейнеров.

Лифт пришёл почти сразу, действительно пустой, и мы вошли вдвоём с термобоксами и ящиками напитков.

— Двенадцать тридцать восемь, — сказал Артём, глядя на часы на стене лифта. — Двадцать две минуты на раздачу.

— Ставишь бокс на кухонный стол и идёшь по своим шести именам слева направо, — сказал я. — Особые цвета называешь вслух. После каждого имени ставишь отметку в листе. В двенадцать пятьдесят сверяем остаток.

Двери разъехались на девятом этаже. Перед нами открылся общий рабочий зал: ряды столов за невысокими перего-

родками, приглушённый гул голосов и клавиатур, запах свежесваренного кофе от кухонной зоны с холодильником и микроволновкой. Мы поставили оба бокса на длинный свободный стол, напитки — под него, листы — рядом с крышками.

Первым к нам подошёл невысокий мужчина лет тридцати пяти в мятой рубашке, с уставшим, но живым лицом человека, который явно не первый день ждёт этой доставки как события дня.

— Наконец-то! — сказал он, потирая руки. — Я Дмитрий, у меня курица без соуса, аллергия, вы в курсе? Меня уже колотит от голода, у нас с десяти утра совещание шло без перерыва.

— В курсе. Красная полоса, отдельная посуда и рабочая поверхность, контейнер закрыт до начала работы с ореховым соусом, — сказал я, показывая ему строку производственного листа с двумя подписями. — Кухня, где орехи вообще используются, указана в предупреждении. Проверьте целую пломбу и своё имя прежде, чем открывать.

Дмитрий осмотрел контейнер с той дотошностью человека, для которого ошибка в маркировке — не мелочь, а прямой риск для здоровья, и, убедившись, кивнул с явным облегчением.

— Спасибо, что не забыли, — сказал он, уже отходя к своему столу с контейнером в руках. — В прошлый раз, когда мы заказывали через другую службу, мне привезли обычную

курицу с орехами в панировке, я час потом откачивался антигистаминными.

— Сегодня ваш контейнер прошёл отдельную приёмку, — сказал я. В этот момент к нам быстрым шагом подошла женщина лет сорока в деловом костюме, с телефоном у уха.

— Вы курьеры от Льва? — спросила она, отняв телефон от уха на секунду. — Я Марина Олеговна, у меня вегетарианский плов. Только у меня форс-мажор: коллега рядом, Игорь Русланович, застрял на совещании ещё минут на десять, но он просил, чтобы его острое не остывало, у него принцип — есть только горячим.

Я почувствовал короткий укол досады — тот самый, знакомый по прежней жизни момент, когда безупречный план начинает трещать по одному-единственному человеческому фактору, который невозможно было предусмотреть заранее.

— Оранжевый контейнер остаётся в закрытом боксе у внутренней стенки, — сказал я. — Пассивная изоляция удержит температуру ещё десять минут. После двенадцати пятидесяти предложим ему микроволновку, а не будем выдавать остывшее за горячее.

— А зелёный плов у вас, — Артём протянул Марине Олеговне контейнер с её именем. — Пломба целая. Держите за дно, крышка горячая от пара.

Марина Олеговна взяла контейнер, взгляделась в надпись и коротко улыбнулась — не той дежурной улыбкой заказчика, а искренней, узнающей.

— Вы правда всё промаркировали руками, а не просто раскидали по стикерам с именами? — спросила она. — Обычно курьеры даже имена путают, не то что содержимое.

— Два первых контейнера на кухне закрыли раньше, чем наклеили имена, — сказал я. — Мы их в заказ не приняли. Кухня собрала две новые порции и ввела маркировку сразу у рабочего места. Поэтому у вас сейчас имя, блюдо и цвет, а не одна наклейка, которой приходится верить вслепую.

Из глубины общего зала донёсся звонкий, чуть насмешливый женский голос:

— Эй, а мне вообще никто ничего не привёз, я стажёр, меня, наверное, забыли внести в список!

К нам подошла девушка лет двадцати, в простой блузке, явно младшая по возрасту среди всех присутствующих, с тем виноватым, но упрямым выражением лица, с каким люди спрашивают о том, что боятся показаться навязчивыми.

Я быстро пролистал список Виктора Аркадьевича на телефоне — двенадцать имён, и среди них действительно не было её.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Настя, — сказала она. — Я тут месяц всего, наверное, при составлении списка про меня забыли, ничего страшного, я себе сама что-нибудь закажу.

— Подождите минуту, прежде чем заказывать, — сказал я. — Вашего имени в утверждённом списке действительно нет. Это не повод дарить вам чужой контейнер или платить

курьеру из кармана. Нужно найти владельца списка и оформить тринадцатое место отдельно.

Я написал Виктору Аркадьевичу: «В списке двенадцать, на этаже тринадцать: стажёр Настя пропущена. Нужен оплачиваемый дополнительный обед. Подтвердите пятьсот сорок рублей и кафе внизу, Артём заберёт после своих шести».

— Внизу есть кафе? — спросил я Настю.

— На первом этаже, за лифтами. У них обычно остаётся дневной суп и горячее.

— Выберите обычный обед до пятисот сорока рублей. Как только Виктор Аркадьевич подтвердит добавление к корпоративному счёту, Артём спустится за ним. На будущее ваше имя войдёт в список до отсечки, а сегодня задержка останется видимой — так человек, который ведёт список, увидит цену пропуска.

Настя моргнула, явно не ожидавшая такого поворота от курьера, которого видела впервые в жизни.

— Я думала, мне дадут номер кафе и оставят разбираться самой, — призналась Настя. — В пятьсот сорок уложусь. Суп и котлета там дешевле.

— Выбирайте. Оплачивает компания, которая забыла вас в своей таблице. Мы обеспечим доставку добавления, а не будем изображать щедрость чужими или моими деньгами.

Ответ пришёл через минуту: «Подтверждаю. Моя ошибка, список был старый. Добавьте Настю постоянно». Следом Виктор Аркадьевич сам появился из стеклянного кабинета

и приложил корпоративную карту к ссылке дополнительно-го заказа. Я назначил забор Артёму после последней из его шести передач.

— Настя, извините, — сказал он ей прежде, чем обратиться ко мне. — Брал список прошлого понедельника и не сверил со штатным расписанием. Обед оплачиваю отдельно. Со среды вы тринадцатая строка, а не человек сверх нормы.

Настя кивнула уже без виноватой улыбки. Ошибка списка получила владельца, цену и постоянное исправление.

— Как идёт основная раздача? — спросил Виктор Аркадьевич, окидывая взглядом зал, где за большинством столов уже стояли открытые контейнеры.

— Десять из двенадцати розданы. Острый заказ Игоря Руслановича держу в закрытом боксе. Последний по листу сейчас у Артёма, затем он забирает Настин оплаченный добавочный обед на первом этаже.

Виктор Аркадьевич сверился с часами и сам подвинул к краю стола пакет приборов, освобождая место для последнего контейнера.

— Время? — спросил он, глядя на часы.

— Двенадцать сорок восемь. Основная раздача закрывается сейчас, Игорь Русланович остаётся в своём согласованном ожидании. Добавочный обед идёт отдельной карточкой и не подменяет результат двенадцати мест.

В этот момент из переговорной комнаты в дальнем углу этажа вышел высокий мужчина лет пятидесяти, с ослаблен-

ным узлом галстука и лицом человека, только что пережившего два часа сложных переговоров.

— Где мой обед? — спросил он громко, ни к кому конкретно не обращаясь, но явно ожидая немедленного ответа.

— Здесь, Игорь Русланович, — сказал я, доставая контейнер из закрытого внутреннего отсека. — Держали отдельно в изоляции. Проверьте имя и оранжевую полосу.

Он взял контейнер, открыл крышку прямо тут же, не отходя, понюхал содержимое с той придирчивостью человека, для которого температура еды — вопрос принципа, а не удобства, и коротко хмыкнул, не то одобрительно, не то просто по привычке.

— Горячий, — констатировал он. — Уже прогресс по сравнению с прошлой службой, у них всё время остывшее приносили.

— Приятного аппетита, — сказал я, и Игорь Русланович кивнул, уже отходя к своему столу с контейнером в руках, не сказав больше ни слова, но и не выразив ни одной претензии — для человека с таким лицом это, судя по всему, был максимум возможной похвалы.

Виктор Аркадьевич проследил за ним взглядом и повернулся ко мне снова.

— Игорь Русланович у нас самый требовательный, если он не жаловался — считайте, тест прошёл первую проверку, — сказал он. — Теперь по остальному: комплектность у всех верная?

— Верная, — сказал я. — Один момент вскрылся на кухне — два контейнера чуть не перепутали местами, вегетарианский плов и обычную курицу, но заметили и исправили до выезда. Хочу быть с вами честным: это не ошибка на вашем этаже, а слабое место процесса заготовки, которое мы уже закрыли ручной маркировкой каждого контейнера.

Виктор Аркадьевич посмотрел на меня чуть дольше обычного, тем взглядом, каким оценивают не результат, а способ его достижения.

— Большинство подрядчиков на моём месте я бы никогда не узнал об этой ошибке, — сказал он. — Они бы просто её исправили молча и рассказали мне только про успех. Почему вы говорите мне про то, что чуть не пошло не так?

— Потому что если вы доверяете мне только на основании того, что я показываю, вы доверяете картинке, а не мне, — сказал я. — А контракт на три раза в неделю строится на доверии ко мне, а не к картинке одного удачного дня.

Он коротко кивнул, будто это был именно тот ответ, который он и рассчитывал услышать, проверяя меня этим вопросом.

— Возвратная тара, — сказал он уже деловым тоном и указал на круглую отметку «Возврат — “Атлант”» на нескольких крышках. — Эти контейнеры нужно отдавать обратно?

— Да, отметка означает возврат Валентине, — сказал я, сверяясь с памяткой, вложенной кухней между маршрутными

ми листьями. — После обеда поставьте их в отдельную корзину у кухонной зоны. При следующем визите пересчитаем и заберём.

— Поставим корзину у кухонной зоны, — сказал Виктор Аркадьевич. — По деньгам: основная заявка на девять тысяч шестьсот уже оплачена через службу, добавление для Насти — отдельно. В личном кабинете вижу обе операции.

— Тогда встречный вопрос: результат достаточен для постоянного маршрута или нужен ещё один тест?

Виктор Аркадьевич оглядел этаж. Двенадцать сотрудников уже получили свои контейнеры, Артём спускался за отдельно оплаченным обедом тринадцатой.

— Устроил, — сказал он. — Со среды — постоянный маршрут, три раза в неделю. Считать будем по фактическому числу людей с пределом восемьсот рублей на человека. Сегодня нас уже тринадцать, через месяц может стать пятнадцать.

— Тогда список на следующий день вы присылаете до шести вечера, — сказал я. — В десять утра дня доставки подтверждаете, кто реально вышел. После десяти новый человек идёт отдельным добавлением с отдельным временем, как Настя сегодня. Кухня не готовит лишнее вслепую, а сотрудник не остаётся невидимым для заказа.

— Принимаю. Назначу Настю ответственной за список, — сказал Виктор Аркадьевич, и девушка у соседнего стола подняла голову. — Раз уж система забыла тебя первой, бу-

дешь лучше всех помнить остальных.

— Только список, не оплату и не жалобы, — уточнила Настя. — Я стажёр в аналитике, а не бесплатная служба обедов.

— Список и подтверждение численности, — согласился он. — Оплата остаётся на мне, вопросы по доставке — у Льва.

— Договорились. Сегодняшняя ошибка добавила нам три правила и тринадцатого человека. Для теста результат полезнее безупречной фотографии.

Артём вернулся в двенадцать пятьдесят восемь с запечатанным набором из кафе первого этажа. Настя сверила имя на чеке и получила суп, котлету с гречкой и компот за пятьсот двадцать рублей — на двадцать рублей дешевле согласованного предела. Дополнительная карточка закрылась отдельно от основного заказа.

У лифтов мы несли пустые термобоксы и ящики для напитков. Возвратные пищевые контейнеры оставались у сотрудников до конца обеда; в среду мы должны были забрать их из подписанной корзины у кухни, пересчитать и вернуть Валентине.

— Девять шестьсот минус кухня, моя ставка и комиссия службы — сколько остаётся тебе? — спросил Артём, пока лифт спускался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.